

Прошли десятилетия, но тема Великой Отечественной войны продолжает волновать нас. Вновь и вновь мы обращаемся к документальным и художественным свидетельствам, тем более ценным, что они выверены временем. Сегодня мы публикуем отрывок из документальной повести Гранта Леоновича Епископосова, доктора философских наук, профессора МГУ, члена Союза журналистов СССР, участника ВОВ — «В первую неделю войны».

произошло. Вспомнил свою недавнюю беседу в Каунасе с командующим 11 Армии генералом Морозовым, его предупреждение о готовящемся нападении гитлеровцев. Приехавшая комиссия из Москвы даже обвинила командующего в преувеличении опасности,

В ПЕРВУЮ НЕДЕЛЮ ВОЙНЫ

— Драугас!.. Драугас!.. Война!.. Гитлер!.. Гитлер!.. — раздавалось неожиданно во дворе казармы воинской части, недалеко от литовского города Радзивиляшкис.

Воскресное утро 22 июня 1941 года. Солнце взошло полетнему рано, заливая горячими лучами всю окрестность. Красноармейцы уже собирались на завтрак в столовой, и раздавшиеся выкрики прозвучали как гром среди ясного неба. Многие повскакали с мест, подталкивая друг друга, бросились к открытым окнам. Посреди двора стоял слесарь котельной, молодой литовец Антанас и возбужденно сыпал литовские слова вперемешку с русскими. Красноармейцы сначала приняли это за очередную выдумку Антанаса, парня очень веселого, и дружно откликнулись: «Драугас», «драугас»...

— Отставить!.. — призвал всех к порядку своим громким звонким голосом старшина Тарас Петренко, бывалый воин с арденном Красного Знамени еще с Халхин-Гола, и обрушил на Антанаса свои любимые ругательства: «бисова дитя», «щоб тебе перевернуло, та выпнуло!»...

Красноармейцам были хорошо известны эти выражения, воспринимавшиеся как украинский юмор, и они часто поворачивали их, сопровождая хохотом.

Старшина снова обратился к красноармейцам и чтобы успокоить их и восстановить порядок, категорично объявил:

— Это провокация! — и напомнил о сообщении ТАСС от 14 июня: — Слухи о намерении Германии напасть на СССР лишены всякой почвы... По радио тоже ничего нет!.. — И он подозрительно посмотрел в сторону Антанаса. — Не пьян ли? Правда, думать так у него, не было оснований. За почти год работы в военном городке Антанас всего один раз выпил лишнего. С детских лет он ходил в работники у кулака. А тогда летом 1940 года было попущено с ненавистным режимом диктатора Сметовы, для Антанаса началась новая жизнь. Он ушел от кулака и поступил на работу в воинскую часть. В отместку хозяин отказался выплатить причитающиеся ему деньги. Красноармейцы помогли Антанасу обратиться в только что созданный народный суд и взыскали кулака, что полагалось. Этот случай стал особенным в его жизни, и он отметил его.

Слова старшины, как ни странно, не возымели действия. Обычно красноармейцы беспрекословно выполняли его приказания. Был он требовательный, любил порядок во всем, подтянутость. Красноармейцы очень уважали старшину. Жил он одою жизнью с ними, всегда подавал личный пример. Восхищаясь военной выучкой старшины, его неуемной энергией и крепко сложенной фигурой, красноармейцы намекали отрастить большие усы, как у знаменитого Тараса Бульбы.

Старшина понимал солдатскую шутку и в свою очередь весело повторял слова старого и грозного Тараса Бульбы: «Ну, давайте на кулаки!.. Погляди, что за человек ты в кулаке!..» На что красноармейцы отвечали только дружным хохотом, ибо никто из них не решался выступить вперед. А еще старшина очень любил песню. Это у него с детских лет, с деревни в Запорожье, где можно сказать, как по всей Украине, пели все. На маршах и походах старшина всегда был запевалой. У него была мечта вместе с женой — преподавательницей музучилища в Иркутске, создать хор при клубе. Все ждал ее переизда, и вдруг война...

Но, судя повсему, Антанас говорил правду; по его виду, тревожным жестам, напех нетерпимой рабочей специфике вместо семейного знакомого воскресного парня.

В столовой произошло замечательное. «Война!.. «Война!..» — вырвалось у многих красноармейцев. Комсорг части Артур Элбакиянц подбежал к старшине. Высокий, литовск. «товарищ».

стройный юноша с порывистым характером, он не мог скрыть волнения. Его большие темные глаза стали мрачными.

— Видимо, правда, — сказал он.

— А сообщение ТАСС? — перебил его старшина.

— Дипломатия, и все... — выпалил комсорг и выскочил во двор.

За ним последовали другие. Столовая быстро опустела. Старшина стоял среди дымящихся нетронутых завтраков, словно в оцепенении, холодом зашло сердце. Но уже через минуту он весь внутренне, по-военному подобрался и стремительно направился к выходу.

Дежурный пытался дозвониться в соседнюю воинскую часть, однако, безуспешно, никто не отвечал.

— Не может быть! панияле! звоните еще раз, — нервно настаивал он.

Наконец-то после долгих попыток удалось связаться со штабом Прибалтийского Особого военного округа в Риге.

— Война!.. — вскрикнул дежурный, повторив услышанное в трубке страшное известие.

Заиграл гонг. Неожиданный сигнал тревоги всполошил военный городок. Одним из первых прибыл, а точнее, прибежал командир части, полковник Сергеев, живший недалеко от военного городка. Во дворе казармы уже выстраивались подразделения. В стоявшем шуме непрерывно раздавались команды, щелкали винтовочные и пулеметные затворы.

— Что произошло? — строго спросил Сергеев дежурного.

— Самое страшное, товарищ полковник. Война!..

— Кто сообщил? — не выслушав до конца ответа, полковник приказал немедленно вызвать всех командиров подразделений и начальников служб.

В это утро многие отсутствовали: одни выехали в город, другие с детьми пошли в лес, который начинался прямо за окнами домов и простирался на десятки километров. Сам полковник остался дома случайно: собирался позвонить в Киев, чтобы узнать результаты сессии сына.

...Совещание было коротким, хотя посыпались вопросы. Всем хотелось разобраться в случившемся. Но никто еще толком ничего не знал. Да и времени не было для долгих разговоров.

— Война!.. Этого вероломства следовало ожидать от Гитлера, — кратко и резко произнес полковник, и, развернув карту, красным карандашом указал места боевых позиций, которые должны были занять подразделения в направлении шоссе на Паневежис и Шяуляй. Одновременно приказал усилить охрану важных объектов гарнизона, особенно окружных складов и военного завода, обеспечить круглосуточное снабжение войск оружием и боеприпасами.

Полковник встал. Был он высоким и стройным, лет под пятьдесят, в золотистой шевелюре пробивались седины. На гимнастерке — орден Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». В его тонких чертах лица проступила решительность, строже стал взгляд голубых глаз. Все поднялись, но никому не хотелось уходить, не верилось, что началась война, пришел конец мирному времени.

— Митинговать будем потом, — строго сказал полковник и, сняв телефонную трубку, попытался соединиться со штабом округа.

Услышав от телефонистки, что связь прервана, полковник некоторое время сидел в задумчивости, потом позвонил по внутреннему телефону доктору.

— Надя! Не ждите меня к обеду, — сказал он жене коротко, как это было принято у них. Надежда Петровна, привставшая к этому, не удержалась и дрогнувшим голосом проговорила:

— Да, я уже знаю...

Положив трубку, Сергеев стал мерять кабинет шагами, мысленно анализируя все, что Литовск. «барышня».

сделала замечание за выдачу боекомплекта частям, выдвинутым к границе. Задаваясь вопросом — почему войска своевременно не были приведены в боевую готовность, — полковник строил различные догадки. Так, углубляясь в размышления, он невольно перешел к воспоминаниям о своем пути кадрового командира Красной Армии. В ее рядах он находился с первых дней. Фронты гражданской войны, учеба в военной академии, работа за границей, спящая академия... Вспомнил своих боевых друзей и командиров, известных полководцев — Тухачевского, Егорова, Блюхера, Гая... Полковник никогда не верил сообщениям, что они были врагами народа, шпионами. Красной Армии был нанесен тяжелый удар. И это в тот момент, когда на Западе и Востоке уже полыхала мировая война, угрожая в любую минуту и Советской стране. «Кто виноват, как могло произойти такое?» — от этих вопросов полковник давно потерял покой.

Резко зазвонил телефон. Дежурный по части докладывал: «В небе вражеские самолеты!» Полковник словно был готов к этому: приказал всем покинуть казармы и укрыться в лесу.

Ескоре вся местность заполнилась незнакомым пронзительным звуком. Некоторые смельчаки, желая удостовериться в реальности войны, выскакивали из-под деревьев и глазели на фашистские бомбардировщики с черными крестами на крыльях.

— Ой, смотрите, смотрите! — крикнул кто-то.

Высоко в небе кружил самолет необычайной конструкции. Вместо привычного корпуса у него была прямоугольная рама, за что впоследствии его так и прозвали «рамой». Это был вражеский разведчик.

Самолеты не сбросили бомб. Покружившись, они полетели дальше на восток. Так повторилось несколько раз в течение дня. Всем казалось, что это разведка. Но местонахождение военного городка было хорошо известно гитлеровскому командованию, ведь в свое время его строили немецкие специалисты. Об истинной причине такой тактики догадались позже. Начав стремительное наступление, гитлеровцы намеревались глубокими охватывающими ударами окружить части Красной Армии и завладеть всей Прибалтикой. Поэтому вначале они избегали разрушать здесь населенные пункты, к тому же надеялись получить поддержку у местного населения в насаждении своего «нового порядка». Но эти расчеты не оправдались, и в этом, уже после войны, после пережитого поражения, не раз пришлось сознаться немецким генералам. Лесная чаща стала походять на военный лагерь. Не зная отдыха, бойцы возводили различные укрепления на подступах к гарнизону. К вечеру появилась вереница машин, прибывших прямо с передовой за боеприпасами.

Ночью полковник Сергеев снова собрал командный состав в своем кабинете, чтобы подвести итоги первого дня войны. Совещание проходило при тусклом свете карманных фонариков. Еыслушав краткие доклады командиров подразделений, полковник Сергеев довел до их сведения решение о преобразовании Прибалтийского Особого военного округа в Северо-Западный фронт и изложил общую обстановку.

Шли тяжелые кровопролитные бои по всей границе — от берегов Черного моря до Балтийского и Северного морей. На ряде участков враг глубоко прорвался на нашу территорию...

О дальнейшей судьбе героев повести «В первую неделю войны» вы сможете узнать, следя за книжными новинками. Книга готовится к печати в одном из московских издательств. Напоминаем, литературный псевдоним писателя — Е. Грант.